

Глава 62. Маленький дурачок приручил деревенского задиру (01)

Тростник на берегу реки покачивался на ветру, издавая тихий шелест. Солнечный свет просачивался сквозь колышущиеся метелки тростника, отбрасывая пятнистые тени.

«Бульк—»

Внезапно тихую гладь реки нарушил глухой звук падения в воду, за которым тут же последовала вереница мелких пузырьков, поднимающихся на поверхность с бульканьем.

Силуэт человека в воде постепенно погружался, его конечности бессильно колыхались в такт течению, словно он был опутан мягкими и холодными водорослями.

Внезапно глаза, которые до этого были плотно закрыты, широко распахнулись.

Лин Янь (林炎), борясь в воде, развернулся и изо всех сил поплыл к поверхности реки, где искрился свет.

В тот самый миг, когда он собрался сделать гребок, в воду стремительно нырнул чей-то силуэт, быстро приблизился к нему, схватил за шиворот и потащил наверх.

«Кха-кха—»

Лин Янь стоял на коленях у берега, его сотрясал сильный кашель. Речная вода стекала с его волос, промокшая одежда липла к телу.

Он поднял свои чайного цвета глаза и посмотрел на человека, который его спас.

Перед ним было красивое лицо с четкими, точеными чертами. Вода насквозь промочила его, мокрые пряди волос были небрежно зачесаны назад, а на длинных ресницах все еще висели прозрачные капли воды.

Пара миндалевидных глаз (глаза в форме персикового цвета, прим. пер.) сияла влажным блеском и спокойно смотрела на него.

Но что привлекло внимание еще больше—

В уголке левого глаза, у внешнего края, была крошечная, едва заметная, родинка нежно-розового цвета.

Сердце Лин Яня бешено забилося.

Казалось, даже сама его душа дрогнула.

Что это значит?

С самого начала сразу встретить мужа? (муж в значении «супруг»; условное обозначение партнера, прим. пер.)

Он уже собрался было заговорить, как в голове раздался взволнованный голос Лин Сяоци (林晓慈):
「Старший брат! Старший брат! Следи за образом! Это тело сейчас — дурачок!」

「...Чего? Дурачок?」

「Да, именно тот, кто только глупо хихикает!」

「...」

Черт!

Се Янь (严) прищурился, разглядывая этого остолбеневшего парня. Ему казалось, что сегодня этот дурачок был какой-то необычный.

Лицо у того было белое с румянцем, кожа нежная, словно только что сваренный тофу. Когда он вытаскивал его из реки, он лишь случайно коснулся его шеи, а кожа на том месте покраснела так сильно, словно могла вот-вот закапать кровью.

Совсем не похож на деревенского парня, выросшего под солнцем и ветром.

Но больше всего приковывали взгляд его большие круглые глаза, которые так и бегали. В чайных зрачках плескалась вода, они были полны невинности и растерянности. От этого взгляда у человека на душе становилось щекотно, и в то же время странно жарко и беспокойно.

Се Янь прочистил горло и, не обращая внимания, поймет тот или нет, холодным голосом произнес:

— Дурачок, не болтайся больше у реки. Опасно.

Закончив, он развернулся и направился к берегу.

Но, сделав всего два шага, он почувствовал, как его икра потяжелела. Се Янь опустил свои длинные, сощуренные глаза и увидел, что маленький дурачок валяется на земле, обеими

руками вцепившись в его ногу, и, скаля белые зубы, глупо улыбается ему, с совершенно беззаботным видом.

У Се Яня на виске дернулась жилка, и в голосе послышался сдерживаемый гнев.

— Зачем ты меня обнимаешь?

Маленький дурачок, услышав его грубый окрик, тут же надул губы. В его чайных глазах за клубился туман, и он обиженно, тоненько позвал:

— Брат... (здесь и далее «гэ» — обращение к старшему брату или уважительно к старшему, прим. пер.)

Се Янь присел на корточки, его взгляд скользнул по мокрой одежде парня—

Ткань плотно облежала тело, вырисовывая юные, но четкие контуры. Он отвел взгляд и заставил себя посмотреть прямо в эти влажные глаза, сказав жестко:

— Ты обознался. Я тебе не брат. Твой брат сейчас, наверняка, дома.

— Брат...

— Сказал же, не брат я тебе.

— Брат...

— Дурачок, по-человечески не понимаешь? Я тебе не брат!

— Брат... Я хочу к своему брату.

— ...

Черт!

Спорит с дураком!

Се Янь резко встал, сверху вниз глядя на этого все еще сидящего на земле человека, и в конце концов, обреченно вздохнув, смягчил голос.

— Вставай. Я отведу тебя к твоему брату.

Маленький дурачок послушно кивнул и, опираясь руками о землю, попытался подняться с берега.

Но едва он встал на одну ногу, как его качнуло, и он потерял равновесие. С глухим «шлепком» он снова плюхнулся на мелководе.

Поднялись небольшие брызги. Одной рукой он все еще цеплялся за штанину Се Яня, а другой держался за лодыжку. Подняв влажные глаза, он пролепетал мягким голосом:

— Брат... Ножка болит...

Се Янь посмотрел туда, куда он указал. На его прежде бледной, тонкой лодыжке виднелась отчетливая краснота, слегка припухшая, словно белый нефрит, тронутый зарей, но от этого казавшийся еще более хрупким.

Вероятно, он нечаянно ударился о камни на берегу, когда выбирался.

Их взгляды встретились, и на мгновение воцарилась тишина.

По поверхности реки пронеслись несколько водоплавающих птиц, кончики их крыльев задевали воду, оставляя за собой рябь. Раздалось несколько звонких криков, которые только подчеркнули эту особенную тишину.

Лин Янь не мигая смотрел на Се Яня своими чайного цвета глазами. В них была обида и зависимость, влажный блеск смягчал сердце, но в то же время почему-то вызывал странный жар.

Се Янь прикрыл глаза, поднес руку к виску, где пульсировала жилка, и в конце концов, с обреченным видом присел на корточки, повернувшись к нему спиной, и глухо произнес:

— Полезай, я отнесу тебя обратно.

Лин Янь тут же перестал хныкать и расплылся в улыбке. Кое-как, помогая себе руками и ногами, он забрался ему на спину. Прижавшись теплой щекой к его шее, он легко дунул тому в ухо и произнес с улыбкой:

— Спасибо, брат. Ты такой хороший.

Се Янь, крепко держа его, тем не менее, все еще ответил жестко:

— Не зови меня так. Сказал же, не брат я тебе.

— Брат...

Этот зов долетел из-за уха, легким эхом. Тепло дыхания коснулось чувствительной ушной раковины, вызвав щекочущий зуд, который проник прямо в сердце.

Се Янь слегка повернул голову и тихо, но с угрозой, прошептал:

— Не дыши мне в ухо. И замолчи. Еще хоть слово — и сброшу в реку.

— ...

Человек на спине сразу замолк, издав лишь один жалобный всхлип, похожий на скулеж обиженного зверька.

Лин Янь лежал на широкой спине Се Яня и, склонив голову набок, разглядывал его точеный профиль. Капли воды все еще скатывались с волос Се Яня и исчезали за воротником. Лин Янь не сдержался и тихо рассмеялся, его дыхание легко коснулось уха другого.

— В прошлом мире ты всю жизнь звал меня «братом».

— А теперь, надо же, мой черед звать тебя.

От реки до деревни было порядочное расстояние, но Се Янь всю дорогу шел ровно, неся Лин Яня на спине, ни разу не сбившись с шага.

Когда он остановился у ворот дома Лин Яня, на его лице даже не было румянца, дыхание было спокойным, будто он просто прогуливался.

Лин Янь: «...»

Выносливость — просто невероятная.

Когда он был «младшим», он был молод и полон сил, но теперь, став «старшим», он все такой же энергичный.

Хм, видно, судьба быть активной стороной («гун» — условное обозначение партнера, играющего активную роль; здесь это скорее шутливое замечание о типаже персонажа, прим. пер.).

Не то что я — ленивый до мозга костей, рожденный, чтобы только получать удовольствие.

Се Янь слегка хлопнул его, давая понять, чтобы слезал.

И тут же вспомнив, что парень не в своем уме, он понизил голос и сказал:

— Дурачок, слезай быстрее.

Маленький дурачок тут же обиженно надул губы и протянул:

— Брат... Ты не бей меня по попе...

Уши Се Яня внезапно запылали. Он нахмурился и прикрикнул:

— Что за чушь? Кто тебя по попе бил!

— Брат только что по попе ударил.

— Я тебя по бедру похлопал, а не по попе!

— По попе...

— Нет!

— По попе.

— Нет!

— По попе...

Се Янь глубоко вздохнул, чувствуя, что сегодня просто помешался раз спорить с дураком о таких вещах.

Он уже не так аккуратно поставил его на землю, но при этом все равно осторожно, чтобы тот встал на одну ногу. Но голос его все еще звучал сердито:

— Стой ровно! Не дергайся!